

РЕПОРТАЖ

О РЕПОРТЕРЕ

К 125-летию В. А. Гиляровского

В Столешниковом переулке, напротив лавки букиниста, кондитер выпекает булки, и пахнет хлебом — светло и чисто.

А эти запахи и звуки — зимой хрустящие снега? Что им эпохи и разлуки: они, как в дальние века...

«Влево, до Козицкого переулка, размещались сперва лихачи и за ними гремели бубенцами парные с отлетом «голубчики» в своих окзанных жестью трехместных санях.

В корню — породистый рысак, а донская пристяжная — враспряжку, чтобы она, откинувшись влево, в кольцо выгибалась, мордой к самой земле».

— Он не мог себе позволить ездить на лихаче или даже на «голубчике», — сказала нам внучатая племянница Гиляровского Екатерина Георгиевна Киселева, — и его счастье, если пожарная повозка ехала мимо. Он мог сесть в нее и добраться таким образом до редакции. Вы знаете, ко мне на днях заходила девочка — из МГУ, с факультета журналистики, она практикует в «Гудке». И она расспрашивала про Владимира Алексеевича: «Как он собирал материал? У него был какой-нибудь аппарат?» — «Дорогая моя, какой аппарат? Он же начинал в 82-м году. Тогда и телефонов не было».

Конечно, в определенном смысле ему как репортеру работать было легче: его все знали. Есть фотография, где стоит Гиляровский, а рядом — целая очередь оборванцев в невообразимых лохмотьях. И все улыбаются. А он на обороте написал: «Я и мои корреспонденты».

«Я много лет изучал трущобы и часто посещал Хитров рынок, завел там знакомства, меня не стеснялись и звали «газетчиком».

— В этом доме, — Екатерина Георгиевна рукой обозначила комнату, похожую на записки Третьяковки, — побывали многие великие. Гиляровский с ними дружил. Историки думают: у него сохранились письма. Но писем от великих нет, а есть от неизвестных: «Спасибо, Владимир Алексеевич, за 5 рублей», «Спасибо, что пальто прислали», «Спасибо, что сына в училище определили»...

Как писатель, он был талантлив. Как человек — гениален. В чем заключалась его гениальность? В доброжелательности к каждому. Все-таки он много сделал людям добра.

«Это был веселый и неутомимый труженик. Вся жизнь он работал (Гиляровский переменял много профессий — от волжского бурлака до актера и писателя), и в любую работу он вносил настоящую русскую смекалку, живость ума, даже некоторую удаль.. Никогда он не был спокойным наблюдателем. Он без оглядки вмешивался в жизнь и любил делать все своими руками. Это последнее свойство присуще всем талантливым людям и жизнелюбцам». Константин Паустовский.

— Ну что еще я вам хочу сказать об этом доме? — спросила самое себя хозяйка.

Почти 100 лет одна семья живет на одном месте. В последнюю войну бомба упала конкретно в люк на мостовой у кондитерской. Чудом дом остался жив. Просто чудом.

Неверно было бы писать, что в этом доме смешались, спутались века и даты. Они соединились — так точнее. Сам дом, как будто бы корабль. И Гиляровский — капитан — его, конечно, не покинет.

— В Москве больше нет таких мемориальных музеев, — сказала с гордостью хозяйка, — то есть они действуют, но многие экспонаты в них не подлинны. А здесь — все, как при Владимире Алексеевиче. Все, как при нем. Это единственная квартира, которая сохранила полностью быт русской интеллигенции прошлого века. На кухне стоит диван, на котором когда-то действительно сидел Толстой. Он вошел и сразу сел: они с Владимиром Алексеевичем должны были ехать в училище живописи и ваяния, и Лез Николаевич его ожидал на диване. Вот портрет Толстого с его автографом и дата: «17 декабря 1899 г.»... А Чехов? Он любил отдыхать после обеда на другом диванчике. Чехов был длинный, поэтому лежал, скорчившись, и называл его «вагончик». Но отдыхать на нем любил. Или кресло с высокой спинкой, сделанное специально по заказу Антона Павловича? Одно — у нас, второе — в Ялте. А про ковер можно не писать: про нее все пишут. Она у нас в чулане. Ее Владимир Алексеевич в минуту удали узлом завязал.

«Гиляровскому жить бы во времена Запорожской Сечи, вольницы, отчаянно смелых набегов. Бесшабашной отваги», — писал Константин Паустовский.

А он открыл контору объявлений, потому что надо было жить, а жить, как всегда, было не на что: его первую книгу сожгли по высочайшему повелению цензурного комитета. И он задолжал «Русским ведомостям» 3 тысячи рублей. Дело шло к суду, но до суда не дошло. Тогда он мрачно пошутил, улыбаясь в запорожские усы: «Кругом афиши и счета, а в нашей кассе — нищета». А еще он издавал «Журнал спорта», посвященный скачкам. Он умел находить удовольствие в жизни, даже в самые ее безрадостные дни. Он говорил, что молодых, как лошадей перед скачкой, нельзя пугать: ты не возьмешь этот барьер! Их надо ободрять, почесывая гриву...

Время растягивает слова. И вместо «был» мы уже говорим «бывал». Часто здесь бывал Куприн, Бунин, Вересаев, Мамин-Сибиряк, Шалапин, Репин, Южин, Саврасов, Коровин, Дорошевич.

Часы пробили десять раз. Через два часа начиналась зима...

«...Передо мной — спит глаза под ярким солнцем белая от выпавшего за ночь снега Театральная площадь, хотя на улицах снег от езды уже обратился в смесь, похожую цветом на ореховую халву».

— Гиляровский первый установил точную дату рождения Гоголя. По церковным книгам. Он делал доклад по этому поводу в «Обществе любителей российской словесности». Еще хотите чаю? Между прочим, за этим столом написана книга «Москва и москвичи».

На «чеховском» диване в открытой картонной коробке лежали тонкие стеклянные шары — елочные игрушки. Значит, скоро Новый год. Самый милый домашний праздник. Вы сберегли его тепло, хозяйка дома. Спасибо Вам.

...Спасибо. До свидания.
Е. АЛЬБАЦ,
А. ШУМСКИЙ.